

КАВКАЗ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКЕ

УДК 327

DOI: 10.31143/2542-212X-2018-1-191-207

КАВКАЗСКАЯ «ОБОЧИНА» МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ XX ВЕКА**В.В. ДЕГОЕВ**

*Центр проблем Кавказа и региональной безопасности
Московского государственного института международных отношений (университета)
Министерства иностранных дел Российской Федерации
119454, Россия, Москва, Проспект Вернадского, д. 76
E-mail: ccs@mgimo.ru*

Аннотация. Как преломились трагические перипетии XX века в судьбах кавказских народов? В какой степени постсоветская история Кавказа связана с предшествующей эпохой? Чего здесь больше: закономерности или стихийности? Пригодны ли исторические уроки в качестве основы для построения будущего без войн и потрясений? Автор статьи пытался лишь поставить эти вопросы, понимая, что найти ответы на них в условиях сегодняшней неопределенности, невозможно.

Ключевые слова: Кавказ в мировых войнах; западный план расчленения России; Иран; Турция; Холодная война; постсоветские реалии.

THE CAUCASUS «ROADSIDE» OF THE 20th CENTURY WORLD POLITICS**V.V. DEGOEV**

*Center for Caucasian and Regional Security Studies
at the Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
119454, Russia, Moscow, Vernadsky avenue, 76
E-mail: ccs@mgimo.ru*

Abstract. The author focuses on the profound impact the turbulent twentieth century had on the destinies of the Caucasus people. In some cases he also tries to cautiously approach the age-old question «what if» when it comes to nowadays developments in the South Caucasus, the former part of the Soviet Union. Whatever the answer, any scholar could feel free to ponder over the future of the Eurasian space in terms of either optimistic or pessimistic scenarios.

Key words: the Caucasus in the World Wars; Western plan to dismember Russia; Iran; Turkey; Cold War; Post-Soviet realities.

«Загадка, облаченная в тайну за семью печатями». Это, как известно, сказал Черчилль о России, не подозревая, что его метафора почти идеально применима к Кавказу.

Сама геологическая судьба расположила его в уникальной нише, наделив ролью связующего звена между севером и югом, востоком и западом. На протяжении тысячелетий он был перекрестком миграционных дорог, хранителем целой мозаики археологических культур, местом встречи цивилизаций, полем их конфликтов и поиска согласия. Два моря, омывающие берега Кавказа, со временем превратили его в торгово-транспортную систему мирового значения.

Еще античные авторы, описывая Кавказ, никогда не считали его целостным понятием ни в природно-географическом, ни в этнокультурном плане. Не было этой целостности ни к северу, ни к югу от Большого Кавказского хребта. Долгая история формирования реального, логического единства Кавказа началась с того времени, когда он стал объектом соперничества между крупными державами: Греция, Рим, Византия, Персия, Османская империя. То есть военно-геополитическим объектом.

В полной мере Кавказ достиг такой «объектности» внутри геополитического треугольника «Россия – Турция – Иран», образовавшегося в XVI столетии. Благодаря этим государствам он оказался частью системы международных отношений сначала регионального, затем европейского, и, наконец, мирового масштаба. Образно выражаясь, именно заточение в этом «треугольнике» дало все основания употреблять понятие «Кавказ» в собирательном политическом смысле. Внешний геополитический контур помог внести определенность в категориальный аппарат, связанный с пространством между Черным морем и Каспием.

Остатки аморфности в понятии «Кавказ» окончательно исчезли с включением его в состав Российской империи, где он находился с 1829 по 1918 г. Однако даже этот законный статус не оградил Кавказ от османского реваншизма, время от времени провоцируя там опасные международные кризисы и войны. Пожалуй, их главным генератором была Великобритания, вынашивавшая обширные планы отторжения Кавказа от России под предлогом защиты Индии от «русской угрозы». Использовался целый ряд практических инструментов: военная, финансовая, дипломатическая помощь иранскому шаху и турецкому султану; поддержка горцев в Кавказской войне; агентурная деятельность; заявления о том, что в международно-правовом плане кавказский вопрос остается открытым; методичные усилия по созданию антироссийских коалиций с намерением повторить Крымскую войну; прямая оккупация стратегически важных районов Кавказа.

* * *

К концу XIX века традиционное военно-стратегическое значение Кавказа дополняется его стремительно растущей ролью в европейской экономике. Неслучайно в годы Первой мировой войны он занял важное место в планах как противников, так и союзников России.

Бурные события 1914-1921 гг. и распад Российской империи обернулись для Кавказа кровавым хаосом, иностранной интервенцией, провальными государственно-политическими экспериментами, устроенными местными

националистическими силами и заведомо предполагавшими массовые этнические чистки. С выходом из войны Россия перестала быть союзником Англии по Антанте, что дало Лондону неожиданную возможность возобновить «большую игру» с прежними целями. В 1918-1920 гг. англичане взяли под свой контроль часть территорий Закавказья, Северного Кавказа, восточное побережье Черного моря, рассматривая все это как военно-стратегический, политический и экономический плацдарм для расчленения Российской империи, неважно – красной или белой. Дух «крестоносцев», избавляющих мир от большевистской заразы, также не был чужд британским интервентам [Kopisto 2011: 28-29, 59-60, 128].

После окончания гражданской войны Советская власть видела свою задачу в восстановлении по сути имперской державы, но с иным политическим, социально-экономическим и идеологическим содержанием. На других основах осуществлялось и национально-государственное строительство, итоги которого были закреплены в уникальной мега-структуре под названием СССР. Кавказские народы стали органичной частью советской сверхдержавы, движущей силой процесса ее становления и развития. Сверхдержавная идентичность, чувство полной причастности всех и каждого на своем месте к созданию исторически беспрецедентного общества долгое время служили могучей скрепой для народов нашей страны. Это неформальное, духовное, соборное единение на пути к великим целям ярко символизировали и «лица кавказской национальности», внесшие бесценный вклад в советскую науку, технику, экономику, культуру. Имя им легион.

Прочность политического фундамента СССР, помимо прочего, обеспечивалась многонациональной властно-управленческой элитой, организованной в форме почти идеально собранной вертикальной конструкции, опиравшейся на местные, низовые административные структуры в виде областных, городских, районных, поселковых Советов. Именно они являлись не только инструментами власти, но и представительными институтами гражданского общества, решавшими жизненно важные вопросы в совершенно конкретной социо-культурной и этнической среде.

Западные «младосоветологи» 1920-х годов предрекали Советскому Союзу скорую гибель. От этих прогнозов не отказывались и позже. Но поскольку «мертворожденный» гигант Евразии и не думал умирать, европейским и американским интеллектуалам пришлось взяться за более глубокое изучение этого феномена, а не выдавать желаемое за действительное.

Пока «советологи» анализировали постреволюционную ситуацию на Кавказе в прогностическом ключе, западные военные, разведчики, люди из высоких политических кругов работали над конкретными планами отторжения Кавказа от СССР, продолжая видеть в этом регионе самое слабое звено советской имперской системы. Планы рассчитывались на перспективу, близость или отдаленность которой пытались предугадать в контексте развития внутривнутриполитических и международных факторов. Все это осуществлялось, в каком-то смысле впрямую, в рамках рутинной работы, характерной для государств, не слишком дружелюбных друг к другу, но вынужденных

придерживаться определенного уровня дипломатического прагматизма, коль скоро они не находятся в состоянии войны.

В 1930-е годы отношение Запада к СССР, как к «выжившей империи», постепенно меняется. Невиданные темпы ее экономического роста, создавшего предпосылки для ускоренного военного строительства, вынудили западные правительства уже не формально (как в 20-е годы), а реально признать в СССР крупного геополитического игрока. Вопрос о том, как его использовать исключительно в собственных интересах, превращался, в условиях нарастания угрозы войны в Европе, в головную боль для всех. На европейской шахматной доске началась затяжная непредсказуемая партия со смертельными ставками.

Старозаветная идея «сдерживания» России (в виде ли Московии, Российской империи, Советской России или СССР) потенциально никогда не исчезала из геополитической философии Запада. Шведский барьер на севере, великопольский в Центральной Европе, «восточный барьер» под эгидой Франции, англо-французский «санитарный кордон», «Междуморье» Пилсудского, военно-политические блоки НАТО и СЕНТО – лишь исторические разновидности по сути одной и той же идеи. Эти геополитические конструкции именовались благовидным термином «барьер», что семантически вроде бы подразумевало защиту от СССР. Но объективно они являлись наступательными плацдармами, и история взаимоотношений с Западом давала Москве все основания для опасений и для противодействия «стратегии окружения». Далеко не оборонительный характер подобных «барьеров» со всей очевидностью выявился во время польско-шведской интервенции начала XVII века, в агрессии Карла XII, в нападении Наполеона на Россию в 1812 г. и англо-французской коалиции в 1854 г., в намерениях Лондона превратить восточный кризис 1875-1878 гг. в новую Крымскую войну. Советское руководство вынуждено было помнить скорее об этих, чем о более обнадеживающих прецедентах в истории российско-западных отношений.

Из оборонительной логики приходилось исходить Москве также в отношениях с Турцией и Ираном. С XVI по XVIII век они, как великие восточные державы с имперскими амбициями, представляли угрозу сами по себе, а впоследствии еще и как сателлиты Англии и Франции, которых к концу XIX века стала теснить Германия.

С приходом к власти Гитлера Западом все настойчивее овладевало стремление отвести от себя исходившую от него угрозу, перенаправив могучую реваншистскую энергию Третьего рейха в русло вековой борьбы с варварским, а теперь еще и с коммунистическим Востоком: нацистскими руками уничтожить «советскую империю» и разделить ее наследство. Обычно такие огромные «пироги», как сказал Бенджамин Франклин, «удобнее всего объесть с краев». Но по поводу кавказского «края» с его богатыми нефтяными и другими ресурсами могли возникнуть большие сложности. На них давно заглядывались Англия, США, Франция, Швеция, Бельгия, Голландия. И уж совершенно наивно было предполагать, что Германия откажется от этого приза. По крайней мере – от львиной доли в добыче. Не будем забывать, что на участие в разделе кавказских богатств претендовали также Турция и Иран,

ссылаясь на свои исторические права, узурпированные Россией. Общие очертания расклада сил в будущей битве за Кавказ обозначились еще в Первой мировой войне. Опираясь именно на этот опыт, Англия на рубеже 1930-х – 1940-х годов разрабатывала стратегические планы удара по южному флангу СССР. (Об этом ниже).

* * *

Идеология (в данном случае антибольшевизм, антисоветизм и русофобия) никогда не была главным побудительным мотивом в политике Запада. Но после 1917 года она стала неизменной составной частью целого комплекса императивов, определявших позиции европейских стран в «русском вопросе». Пожалуй, ту же всего эти императивы сплелись во внешнеполитических курсах Англии, Франции и, позже, Германии. Излишне говорить, что реализация любых антисоветских замыслов представлялась крайне проблематичной без привлечения Турции и Ирана в качестве военно-стратегического, политического, разведывательного, пропагандистского (и т.д.) подспорья. Столь же очевидна и далеко не всегда демонстрируемая готовность Стамбула и Тегерана делать вид, будто они согласны на роль ведомых, что было далеко не так. Для Турции и Ирана, советский Кавказ являлся куда более близким к сердцу и куда более, так сказать, экзистенциальным вопросом, чем для Европы. Он был одновременно источником и страха и сильного искушения взять исторический реванш, используя сложные перипетии международной обстановки.

Точка схождения всех этих побуждений – отторжение Кавказа. Она же – точка расхождения, ибо тут же возникала проблема «справедливого» дележа, чреватая, как показали события 1914-1921 гг., военными столкновениями между бывшими партнерами и образованием совсем других фронтовых линий. Ни о каком консенсусе не могло быть и речи. Ни внутри молодых кавказских субъектов, ни между внешними игроками.

В турецком и иранском самосознании связь между идеологией и геополитикой присутствовала всегда, представляя собой классическое выражение имперского комплекса. На протяжении истории этих государств он проявлялся с разной степенью отчетливости.

Идеологической подпиткой внешней политики Стамбула долгое время служили пан-османизм и пан-исламизм. На смену им пришел кемализм – турецкий национализм, соединенный с идеей вестернизации и лишь формально отделенный от имперской идеи, открытую пропаганду которой Ататюрк не мог себе позволить по целому ряду веских соображений. Первый президент Турецкой республики строил сильное современное государство с прицелом на будущее. Свое правление он, скорее всего, рассматривал как стадию накопления потенциала для решения гораздо более амбициозных задач, публично высказываться о которых в тех международных условиях было рискованно.

Еще с конца XIX века на роль государственной доктрины стал претендовать пан-туранизм (пан-тюркизм), набравший широкую

популярность. Это была демонстративная апелляция не столько к великому имперскому прошлому (хотя и к нему тоже), сколько к великому имперскому будущему. Это означало соби́рание под эгидой Стамбула всех тюркоязычных народов Крыма, Кавказа, Поволжья, Средней Азии. Хотя Ататюрк подавлял наиболее оголтелые и несвоевременные манифестации пан-туранистов, его глубокое духовное родство с ними существовало. Ататюрк отвергал не суть этой идеологии, а прямолинейность, радикализм и нетерпеливость ее сторонников. Практически все его приближенные были в душе пан-туранистами, и, придя к власти в 1938 году (после смерти Ататюрка), они уже не столь усердно скрывали это.

Иранской версией имперской идеи являлся пан-иранизм, предполагавший объединение всех народов, говорящих на фарси и воспитанных в традициях древней персидской культуры. Эта доктрина была тесно связана с исторической памятью о великом прошлом Персии, об эпохах ее державного и культурного расцвета, плоды которого стали бесценным духовным достоянием всего человечества. Эта память была жива и в периоды глубокого упадка государства. Из нее нельзя было вытравить тот факт, что большая часть Закавказья долгое время находилось в составе Персидской империи, а Северо-Восточный Кавказ являлся сферой ее политического, экономического и культурного влияния. В ирредентистских планах Тегерана эти территории присутствовали сначала в гипотетическом смысле, а затем, под влиянием модернизации, вестернизации и растущего национального самосознания, уже и в практическом.

* * *

В русско-турецко-иранском «треугольнике» главным источником напряжения, кризисов и вооруженных столкновений был Кавказ, даже после того как он вошел в административно-политическую систему Российской империи. Инициаторами практически всех русско-турецких и русско-иранских войн на Кавказе были Стамбул и Тегеран, чаще явно, чем тайно поддерживаемые Западом. Иными словами, история не давала Москве особых поводов к оптимизму и на южном направлении. Обеспечение безопасности кавказских границ было неотделимо от общей внешнеполитической и военно-оборонной проблематики СССР на протяжении всего периода его существования.

С победой большевиков «барьерные» доктрины трансформировались в идею возведения вокруг Советской России и СССР «санитарно-карантинных» кордонов против проникновения на Запад коммунистической инфекции. Однако эта функция органично соединялась с потенциальными планами коалиционного удара по возрождающейся империи. Дополнительное идеологическое обоснование для него было, конечно, не лишним, но вовсе не обязательным.

Турции и Ирану, граничившим с Кавказом, отводилось в этой стратегии важное место. В 1930-е годы Анкара и Тегеран – каждый в меру своего понимания ситуации, дипломатической изворотливости и стратегических возможностей – лавировали между западноевропейскими державами, СССР и

фашистской Германией. Высказываемая в историографии мысль об исключительно оборонительном характере этого лавирования вызывает большие сомнения.

Не лишне повторить, что имперские амбиции пустили глубокие корни в турецком массовом сознании, принимая разную идеологическую окраску: пан-османизм и пан-исламизм, затем пан-тюркизм (концепт «Великого Турана»). Радикальные реформы Ататюрка, казалось бы, символизировавшие разрыв с имперским прошлым, на самом деле явились лишь его продолжением в форме светской модернизации, нацеленной на строительство сильной, современной, моноэтничной державы. Самоотверженную решительность во внешней политике младотурки, вдохновленные своим выдающимся лидером, показали в войне с Грецией, в аннексии Западной Армении (российской Карсской области), которую в Стамбуле считали возвращением исконных турецких земель. Сепаратистские попытки курдов были подавлены с беспрецедентной жестокостью.

Своими искусными дипломатическими шагами Ататюрк создал Турции репутацию «удовлетворенного государства», свободного от ирредентистских фантазий. Это значительно облегчило осуществление политики по трем, уже указанным направлениям (Запад, Германия, СССР), чтобы в зависимости от ситуации вовремя переложить акцент на тот или иной вектор. В стремлении быть политическим субъектом, а не объектом, Ататюрку иногда удавалось склонять внешние силы к мысли, что они нуждаются в нем больше, чем он в них.

Хотя преемникам Ататюрка такого таланта не хватало, они старались идти по его стопам, чтобы маневрируя, играя на противоречиях между великими державами, не афишируя свои далеко идущие замыслы, реализовать идеалы пан-туранизма, причем не только за счет Кавказа. Стамбул ждал своего часа. Надвигающаяся война давала шансы и на сказочный геополитический выигрыш, и на катастрофическое поражение. Главное: учесть горькие уроки Первой мировой войны и вовремя почувствовать тот момент, когда можно с наименьшим риском присоединиться к побеждающей стороне и получить «справедливую» долю из призового фонда.

Так в турецкой внешнеполитической стратегии 1930-х появились «три корзины» с насадками для высиживания яиц. Расчет был на то, что хотя бы у какой-то из них должно получиться.

Турецко-западноевропейские отношения развивались весьма плодотворно. Лондон и Париж помогли Стамбулу решить пограничные проблемы с Ираком и Сирией. Способствовали предоставлению Турции права военного контроля над Проливами в случае угрозы ее безопасности. Фактически поощрили несколько волн репрессий против курдов. Летом 1939 года Англия и Франция заключили с Турцией договоры о союзе, гарантировавшие ее безопасность. В Анкаре приободрились: если у Запада хватит сил сокрушить Германию, турки будут в числе победителей. На тот случай, если не хватит, Анкара решила сохранять дружественные отношения с

Берлином, оказывая ему существенную торгово-экономическую помощь, прежде всего сырьевыми поставками стратегического назначения.

Распространенная в историографии идея о крайней осторожности, якобы характерной для турецкого правительства накануне и в период войны, плохо согласуется с реальностью, которая свидетельствует о готовности Анкары участвовать в англо-французских военных планах (1939-1940 гг.) вторжения на Кавказ после массированных авианалетов на Баку, Потти, Батуми, Туапсе, Грозный, Майкоп с целью разрушения нефтедобывающих, нефтеперерабатывающих, и нефтетранспортных предприятий. В результате воздушных разведок, осуществленных при активном содействии турок, было установлено точное количество нефтеперерабатывающих заводов в Закавказье и на Северном Кавказе. Видимо, в память о Крымской войне Англия, Франция и Турция собирались развернуть военные действия еще и на кавказском побережье Черного моря с применением авианосцев. На оперативных совещаниях разных уровней говорилось о необходимости «послать Россию в нокдаун» именно на Кавказе. Нигде она так не уязвима стратегически, экономически и политически. Согласно английским источникам, речь также шла о западной помощи в оснащении турецких войск на границах с Закавказьем и проведении там секретных операций по подготовке антисоветских выступлений. Более того, ставился вопрос о бомбардировке целей «глубоко внутри России» [Сиполс 1997: 205-209, 212-213].

* * *

Все это происходило на фоне очень «странной» войны Англии и Франции против Германии. Между тем в отношении СССР полным ходом шла подготовка настоящей войны. Проблема ее морального оправдания не беспокоила западные правительства. В то, что они помогают «беззащитной» Финляндии, можно было бы поверить, если бы разработка планов удара по СССР с юга не продолжалась после окончания советско-финляндской войны (13 марта 1940 года) с еще большим усердием. На ближневосточных аэродромах шло размещение целых авиационных эскадрилий – дальних бомбардировщиков и истребителей английского и американского производства. Специально оборудованные самолеты-разведчики произвели подробную фотосъемку всех нефтедобывающих и нефтеперерабатывающих предприятий Баку и Батуми, наметив тем самым цели для бомбовых ударов. [Сиполс 1997: 211, 218].

Согласно англо-французским источникам, 15 мая все было готово для массированных воздушных налетов на Баку и другие стратегически важные центры Закавказья. Западные специалисты не скрывали, что эти операции приведут к «значительным потерям среди мирного населения», но победа на Кавказе оправдывает все риски и издержки. Кавказская тема не снималась с военной повестки дня до нападения Гитлера на СССР. Правда, после позорной капитуляции Франции (22 июня 1940 г.) Лондону пришлось заниматься этой проблемой в одиночестве. Она по-прежнему навязчиво преследовала британское правительство, сохраняя его агрессивную настроенность. Даже

после начала советско-германской войны англичане не спешили отказываться от этих планов. Оперативные данные, приходившие к Сталину в 1939-1940 гг., склоняли его к убеждению, что Англия является главным врагом СССР, опирающимся на тайную и явную помощь Турции и Ирана. Отсюда растущее недоверие к южным соседям СССР, в том числе к их «мирным инициативам» и мнимому нейтралитету. С начала апреля 1940 г. Сталин стал перебрасывать с финского фронта в Закавказье и на Северный Кавказ войска, авиацию, зенитную артиллерию. Количество боевых соединений и тот факт, что они уже имели опыт ведения современной войны, говорили о серьезных опасениях Сталина относительно возможности возникновения южного фронта.

Трудно допустить, чтобы, вовлекая Анкару в столь рискованные авантюры, англичане и французы не понимали, что они играют на самых чувствительных струнах пан-туранского имперского сознания, совершенно нетерпимого к самому факту пребывания тюркоязычных, тяготеющих к исламу народов в советском коммунистическом «застенке».

* * *

Иран уступал Турции в силе, влиянии, темпах модернизации. И в чувстве реализма. В 1919 году тегеранские представители поразили буйством своих внешнеполитических фантазий делегатов Версальской конференции, где были заявлены претензии на Кавказ, Среднюю Азию, Северный Ирак и всю акваторию Персидского залива. [Lenczowski 1980: 174].

В 1920-х годах Тегеран перешел к выстраиванию более прагматической системы международных связей, стараясь, не всегда успешно, избегать обострения отношений с соседями и с великими державами. Следующее десятилетие – критическое в мировой политике – поставило Иран перед тяжелой проблемой выбора, в решении которой он последовал примеру Турции. Шах Реза Пехлеви, продолжая модернизацию страны, включая военнотехническую область, искал такие формы взаимодействия с внешним миром, которые позволяли бы ему находиться в относительно добрых отношениях, но на равном удалении от трех главных центров силы: Запад (в лице Англии и Франции), СССР и Германии. Это была стратегия выжидания того момента, когда окончательно сформировавшиеся коалиции схватятся между собой и четко обозначится перевес одной из них, чтобы примкнуть к ней с целью получения своей доли от трофеев победы.

Балансировать между великими державами было чрезвычайно сложно, ибо они сами хотели использовать Иран в своих интересах, а вовсе не превращаться в объекты его манипуляций. В этом смысле Тегеран и Стамбул находились почти в одинаковом положении, что вынуждало их и действовать соответственно.

То, что в западной историографии традиционно представляется как «оборонительная стратегия» Ирана, у Советского Союза, располагавшего хорошо осведомленной разведсетью на Ближнем Востоке, вызывало только подозрения, перераставшие в опасения. Реза Пехлеви, маневрируя в большом «силовом треугольнике» (СССР, западные державы, Германия), действовал в

нескольких направлениях: политическом, дипломатическом, торгово-экономическом. Он пытался заставить крупных мировых игроков соперничать за его благорасположение, используя известный набор «аргументов слабейшего» (по выражению французского историка Антонена Дебидура). Такая стратегия, временно снимая напряжение в одних вопросах, накапливала его в других. Среди «других» постепенно стали доминировать советско-иранские отношения. Особенно после того как шах под прикрытием фиктивного нейтралитета, стал проявлять активный интерес к военно-техническому сотрудничеству с Англией и Францией, параллельно идя на сближение с Германией, то есть взаимодействуя с потенциальными противниками СССР в грядущей войне.

В 1920-е годы Тегеран, в нарушение договора с Советской Россией (1921 г.), выказывал согласие на предоставление британским и американским фирмам нефтяных концессий. От этой затеи пришлось отказаться из опасений, что Москва, в то время главный торговый партнер Ирана, предпримет серьезные ответные меры. В 1937 году Реза Пехлеви все же предоставил одной американской компании право на разработку нефтяных месторождений на севере страны, что являлось открытым вызовом Советскому Союзу. Эта сделка сорвалась лишь потому, что американцы по ряду причин передумали [Lenczowski 1980: 175-176].

В 1931 году шах ввел государственную монополию на внешнюю торговлю, что подорвало советское экономическое влияние в Иране и нанесло Москве финансовый ущерб. Напротив, Англия, успешно урегулировав два нефтяных конфликта с Тегераном (1927 г. и 1932 г.), укрепила свои позиции в этой важной отрасли, к немалому неудовольствию СССР.

Новый повод для подозрений Иран дал в 1937 году, когда он стал участником Саадабадского пакта или Ближневосточной Антанты (наряду с Турцией, Ираком и Афганистаном). Пакт был заключен при деятельном содействии и под покровительством Великобритании. Сталин не без основания усмотрел в этом враждебный по отношению к СССР акт и попытку создать против него южный санитарный кордон. В перспективе эти подозрения в полной мере подтвердились после войны, когда Ближневосточная Антанта нашла продолжение в антисоветском блоке СЕНТО.

Большую тревогу в Москве вызывало германское проникновение в Иран. С 1928 года этот процесс развивался впечатляющими темпами. За 10 лет доля Германии во внешней торговле Ирана достигла 41 %, а количество немецких резидентов в стране (специалистов разных профилей, включая шпионов) составило – только по официальным данным, не включавшим большое количество «поклонников» восточных культур – 2000 человек. В правящих иранских кругах были очень сильны пронацистские настроения, которые германская пропаганда возбуждала так же искусно, как и эксплуатировала, утверждая об общеарийском происхождении обоих народов и превознося Резу Пехлеви как «просвещенного правителя». Шах, не оставаясь в долгу, открыто восхищался Гитлером и установленным им политическим режимом, самым надежным барьером против коммунизма. Все это подняло волну паниранского

национализма, на гребне которой тегеранское руководство обретало чувство самоуверенности в ущерб трезвому взгляду на вещи [Lenczowski 1980: 176-178].

Первые наиболее очевидные симптомы расхождения с реальностью Тегеран продемонстрировал в конце 1939 – начале 1940 г., дав Англии и Франции понять о своем намерении участвовать в осуществлении планов нападения на СССР с юга. Если бы Реза Пехлеви был уверен в недолговечности советско-германского пакта о ненападении, он, скорее всего, предложил бы свои союзнические услуги не Лондону и Парижу, а Берлину.

1 февраля 1940 года военный министр «нейтрального» Ирана А. Нахджаван поставил перед английскими представителями в Тегеране вопрос о закупке 60 бомбардировщиков и 35 истребителей для ведения боевых действий на Кавказе в соответствии с британскими планами.

Начало Второй мировой войны вселило в шаха большие надежды на великодержавное возрождение с помощью нацистской Германии, с которой тегеранское правительство активно сотрудничало. В мае 1940 года оно открыто заявило, что границы Ирана с Советским Союзом (в Закавказье и Средней Азии) «не являются официальными», сопроводив этот демарш демонстративной картографической ревизией [Гасанлы 2006: 15-16].

* * *

Кроме тех факторов, благодаря которым в советско-турецких и советско-иранских отношениях накапливался взрывоопасный потенциал и усиливалась вероятность коалиционного нападения на южные районы СССР, отметим еще один. Он может показаться совершенно неожиданным, но лишь тем, кто не знает историю международных коллизий вокруг Кавказа. Напомним, что еще в период Кавказской войны, в 1830-1860-е годы, польская агентура поддерживала горцев против России всеми возможными средствами. Теперь, сто лет спустя, поляки вступают в тайные переговоры с Анкарой с предложением своей помощи в создании на турецко-советской границе военных арсеналов для вторжения в Закавказье. Хорошо информированные источники сообщали, что Турция приветствовала все политические силы и движения, направленные на борьбу с СССР [Соцков 2003: 82, 104-105].

* * *

Особая тема – история возникновения геополитических планов Германии в отношении Кавказа. Как это ни покажется удивительным, кавказское направление германской экспансионистской политики выявилось еще в конце 1850-х годов. Причем, вначале в области экономики и концессионной деятельности. Локомотивом этого процесса была немецкая (прусская) фирма «Сименс и Гальске», действовавшая на Кавказе в течение 57 лет (1860-1917 гг.). Начав с прокладки телеграфных линий, она затем включилась в нефтяное и медеплавильное дело, наладила производство и продажу электрооборудования, занялась электрификацией закавказских городов, включая строительство электрогенерирующих предприятий. Деятельность фирмы, несмотря на

конкуренцию других иностранных компаний, способствовала быстрому росту политического и финансового влияния Германии на Кавказе. Потенциальные экономические возможности края стали для немецких специалистов предметом всестороннего изучения не только сами по себе, но и как базовые условия для дальнейшего продвижения на Ближний и Средний Восток. «Сименс и Гальске» сыграла важную роль в подготовке почвы для германской военной экспансии в черноморско-каспийский регион в годы Первой мировой войны [Наниташвили 1982: 334-349; Пипия 1978: 29-34].

Как известно, к колониальному разделу мира, в основном завершившемуся к концу XIX века, Берлин опоздал. Доставшаяся Германии доля не соответствовала ни ее растущему военно-экономическому потенциалу, ни ее великодержавному самомнению. Мириться с этим Берлинский кабинет не собирался. Его имперская программа под названием «Drang nach Osten», как мы убедились выше, начала осуществляться еще до превращения Пруссии в Германию. Но с 1870-х годов она принимает все более системный и агрессивный характер. Германская экспансия на Восток развивалась по двум маршрутам: северному (Черное море – Кавказ – Каспий) и южному (Стамбул – Конья – Мосул – Багдад – Кувейт). Южное направление совпадало со схемой прокладки Багдадской железной дороги. В 1880-е годы Берлин заявил претензии на концессионное участие в ее строительстве с целью соединить Германию с Персидским заливом.

Этот проект на фоне германо-турецкого сближения сильно встревожил Петербург, не исключавшего, что на участке от Коньи до Вана могут быть проложены северные ветки в направлении Кавказа, которые позволят быстро доставлять туда войска, и, возможно, не только османские.

С 1911-1912 гг. в Закавказье резко увеличивается число германских эмиссаров, ведущих сбор подробнейшей разведывательной информации на случай, если там развернутся военные действия между германо-турецким союзом и Россией. Немцы изучали местные политические, идеологические и религиозные настроения, создавали диверсионные группы из откровенных антироссийских элементов, в распоряжение которых предоставлялись большие партии оружия [Пипия 1978: 34-40].

С началом мировой войны Германия открыто участвует в военных действиях на Кавказе и в Черном море. Прикрываясь статусом союзников турок, немцы разрабатывают собственные планы завоевания ключевых стратегических и экономических районов края [Пипия 1978: главы 3-4]. Османские аппетиты вызывают у Берлина растущее раздражение. У него были свои планы, и Турция вписывалась в них лишь как сговорчивый помощник.

Реальную угрозу этим планам создала русская армия, нанеся туркам сокрушительные поражения и занявшая к концу 1916 года обширные территории северо-восточной Анатолии, включая Трапезунд, Эрзерум, Баязет, Ван. Но две революции 1917 года в России в корне изменили ситуацию. Русские войска ушли из Закавказья, открыв Германии возможность осуществления своих далеко идущих замыслов. В июне 1918 года немецкие войска оккупировали Грузию, и если бы не общий ход мировой войны, то

можно было не сомневаться, что «Drang nach Osten» продолжится дальше. О том, чем он обернулся бы для народов Востока, нетрудно судить по той же Грузии, где буквально с первых же дней иноземного присутствия началось нещадное разграбление ценнейших стратегических ресурсов.

Даже после разгрома Германии Кавказ не выпадал из ее поля зрения. Он присутствовала в различного рода военно-политических прожектах, разрабатывавшихся в квази-академических кругах при участии представителей «обиженной» советской властью кавказской эмиграции. К концу 1930-х годов прожекты стали постепенно преобразовываться в официальные проекты гитлеровских генералов и идеологов, пока, наконец, не материализовались на полях сражений.

* * *

Вторая мировая война внесла радикальные перемены в предвоенную расстановку сил и в предвоенные сценарии. Лондону пришлось отказаться от нападения на южные границы СССР и пойти на ненавистное для него союзничество с Москвой. Это был союз поневоле, не помешавший старым британским искушениям проявить себя в виде стремления предельно обескровить СССР, отсрочить открытие второго фронта, втайне прощупать почву для сепаратного договора с Берлином. Венцом этого «геополитического» цинизма стал разработанный в мае (!) 1945 года план «Немыслимое» [Путь... 2015: 830-838].

Оказывая помощь большевикам, Британия спасалась от смертельной опасности нацизма, будучи не вполне уверенной, в том, что он есть наибольшее зло. Но, спасаясь, думала о будущем, о котором Черчилль точно знал одно: в случае победы над Германией советско-западные, в частности советско-британские отношения, обречены на резкое ухудшение из-за фундаментальных исторических противоречий, усугубленных появлением американской сверхдержавы и перекройкой политической карты мира.

Германия сделала все, чтобы прорваться на Кавказ. Она стремилась скоординировать свое наступление на юг с встречным вторжением в Закавказье Турции и Ирана, «нейтралитет» которых носил явно прогерманский характер. Однако сталинградский разгром лишил Берлин перспективы обзаведения новыми союзниками.

Тем не менее, пронацистские симпатии сохранялись в турецких правящих кругах на протяжении всей войны. Анкара последовательно отклоняла призывы присоединиться к антигитлеровской коалиции, закрывала глаза на деятельность германских спецслужб, осуществлявших в Турции пантуранскую и антисоветскую пропаганду, объектом которой были и кавказские народы.

Присоединение Турции к союзникам (23 февраля 1945 года) всего лишь за полтора месяца до капитуляции Германии, позволяет предположить, что турецкое правительство выжидало до последнего момента, возможно не исключая перелома в ходе войны за счет сепаратного мира между германским военным руководством и западными державами (без участия СССР).

Меньше всего Анкару устраивала победа Советского Союза, чреватая пересмотром договора 1921 года, по которому Турция получила от Москвы воистину «царский» подарок в виде российской Карсской области и добровольного отказа от завоеванных русской армией в 1915-1916 гг. огромных территорий в северо-восточной Анатолии. Такая ревизия была бы вполне справедливым ответом на турецкие планы вторжения на Кавказ с юга в поддержку наступления вермахта с севера (1942 г.).

Опасался победы СССР и Тегеран. У Ирана, как и у Турции, были свои амбиции, реализовать которые он тоже стремился путем ускоренной модернизации страны, с одной стороны, и идеологического воспитания населения в великодержавно-религиозном духе, с другой. В программе достижения этих целей северный сосед значился как противник, Третий рейх – как союзник. Объявленный Ираном нейтралитет (сентябрь 1939 г.) не менял сути дела. В тегеранском руководстве доминировали германофилы. По всей стране открыто действовала нацистская агентура, пропагандируя идею защиты ислама от иностранных поработителей и готовность Великой Германии взять на себя эту миссию. Сначала имелась в виду Англия, а после 22 июня 1941 г. – Советский Союз.

В Тегеране с радостью воспринимали известия о молниеносном наступлении фашистских войск и, особенно, об их продвижении на Кавказ.

После советско-британской оккупации Ирана германская агентура ушла в подполье и занялась диверсионной работой, организацией саботажа поставок по ленд-лизу и подготовкой покушения на лидеров Большой тройки [Оришев 2011: 98-104].

Москва рассматривала позицию официального Ирана как откровенно враждебную и в ответ на нее проводила в своей оккупационной зоне, примыкавшей к Закавказью, политику создания собственной сферы военно-политического, экономического, идеологического и культурного влияния. Это была, с одной стороны, банальная политика воздаяния «по заслугам» за поддержку захватнических устремлений нацистской Германии, с другой – система мер, обеспечивающих безопасность южных границ Советского Союза в условиях непредсказуемого развития послевоенного мира.

Общим итогом Второй мировой войны применительно к Кавказу следует считать тот факт, что она разрушила застарелый миф о существовании исторически преемственной уязвимости этого региона как составной части Российской империи и СССР. Во второй половине 1930-х годов вера в этот миф объединяла Англию, Францию, Германию, Турцию, Иран, Польшу. Лишь Анкара и Тегеран (по понятным причинам) расходились в идеологических концепциях разрушения Советского Союза. Всем остальным были важны не средства, а цель – поднять против Москвы народы Кавказа, Поволжья, Средней Азии, чтобы обессилить страну и нанести по ней (повторим эту модную в отношении СССР фразу) «нокаутующий удар». Пропагандистская, разведывательная, диверсионно-вербовочная работа в этом направлении составляла неотъемлемую часть подготовки к войне против СССР, кто бы ее ни планировал. В английских, французских, германских военно-стратегических

документах того времени мысль о подрыве Советского государства изнутри звучит едва ли не лейтмотивом [Сиполс 1997: 202-206, 210, 222-223].

* * *

В условиях холодной войны, зарождавшейся уже на исходе горячей, к западным державам, теперь уже во главе с Соединенными Штатами, вернулось наваждение о «русской угрозе» их цивилизации. В Фултонской речи Черчилль заявил о наступлении новой эпохи, в которой политика станет продолжением войны другими средствами.

Это имело прямое отношение к Кавказу, где старая «большая игра», нацеленная на отторжение его от России, требовала «других средств»: системной, терпеливой, умной работы без надежды на быстрый результат. Необходимость внешнеполитической перестройки осознавала и Москва. Обе сверхдержавы учились жить в условиях новых, более сложных правил игры, которые постоянно заставляли искать относительно безопасный баланс между решительностью и осторожностью, между целью и средствами, между соблазнами и прагматизмом. Эта трудная учеба, испытывавшая СССР и США еще и на крепость нервов, началась с первых кризисов холодной войны (1946 г.): иранского и турецкого, ставших очередным напоминанием об историко-геополитическом значении Кавказа.

После благополучной развязки «кавказский вопрос» надолго утратил свой, так сказать, международно-правовой компонент. Но из поля зрения Запада не исчезал никогда. В чем только не проявлялось это непреходящее внимание. В США и Европе возникали академические и аналитические центры, изучавшие Кавказ в режиме «безотходного производства»: история, этнология, этногенетика, нравы, обычаи, ментальность, национальные комплексы, память о прошлом, отношение к советской власти, предрасположенность к национализму и сепаратизму, массовые и индивидуальные поведенческие особенности, потенциальные точки воспламенения на межэтнической почве. Существовали и более «специализированные» заведения, отправлявшие на Кавказ под видом туристов людей, интересовавшихся отнюдь не туристическими объектами. Западные радиостанции вещали на многих кавказских языках, вполне успешно пробиваясь сквозь эфирные «помехи» со своими прогнозами относительно перспектив сохранения Советского Союза. (Автор этих строк тому свидетель.).

Все это имело, если вообще имело, крайне скромный эффект. Досуг кавказские люди проводили не за радиоприемниками. И около заезжих иностранцев, по понятным причинам, не толпились. Местные КГБ скорее играли в шпионов за отсутствием настоящего фронта работы. Но эта работа все же велась и с той и с другой стороны. С этой самой «другой» стороны работали на будущее, без твердой уверенности в успехе. Многие западные аналитики подвергали сомнению идею о том, что Кавказ – вечная ахиллесова пята Российской и Советской империи. Его многоэтничность и культурная мозаичность – не слабость, а сила имперской цивилизации. И это утверждал не

кто-нибудь, а многие сотрудники ЦРУ в 1990 году на самом кануне развала СССР.

Как произошла эта катастрофа – отдельный и загадочный вопрос, каких в истории немало. Найти математический ответ на него, заикливаясь на «проблеме имманентной обреченности СССР», получается все хуже и хуже и у российских, и у западных ученых, если, конечно, они настоящие ученые.

Тем, кто сочувствовал планам разрушения СССР и продолжает упиваться последствиями, не лишне на всякий случай напомнить, что кроме «мягкой силы» была и остается другая (в более точном смысле этого слова) стратегия продолжения этой разрушительной политики. Уже в 1945-1946 годах на американских и натовских военно-штабных картах территории Советского Союза были усеяны зловещими точками, обозначающими объекты атомных бомбардировок. Тогда среди кандидатов на мгновенное уничтожение народам Кавказа отводилось далеко не последнее место. Изменилось ли что-либо к лучшему с тех пор?

Из современной международной повестки дня этот тревожный вопрос, к сожалению, не исчез. И пока мало что располагает к оптимистичному ответу на него.

* * *

Постсоветские потрясения не обошли Кавказ. За политическую самостоятельность, о которой упоенно мечтали правящие и интеллектуальные элиты закавказских республик, не подозревая о последствиях, пришлось заплатить очень дорого. И никто не даст гарантии, что эта расплата закончилась. Вожденная свобода от Советского Союза обернулась огромной зависимостью от ближних и дальних соседей, от геополитических и экономических тяжеловесов, от их мироустроительных планов субрегиональных, региональных и планетарных масштабов. Сильные испокон веков уважают сильных. С игроками малых весовых категорий они говорят, когда говорят, на особом языке прозрачных намеков на тему, кто есть кто в международной табели о рангах. Публично Запад никогда не назовет Грузию, Азербайджан и Армению объектами своей политики, ибо не хочет без нужды задевать их самолюбие напоминанием об очевидном. Но никто и не подумает всерьез воспринимать их как влиятельных субъектов международных отношений, и уж тем более наделять их правом хотя бы символического участия в принятии фундаментальных решений глобального уровня. Другого статуса для закавказских государств в обозримом будущем не предвидится.

Испытание независимостью будет продолжаться еще долго. Как долго, сказать трудно. И уж вовсе невозможно назвать цену, в которую может обойтись народам иллюзия свободы.

ЛИТЕРАТУРА

Гасанлы 2006 – *Гасанлы Дж.П.* СССР-ИРАН: Азербайджанский кризис и начало холодной войны (1941-1946 гг.). – М.: «Герои Отечества», 2006. – 560 с.

Наниташвили 1982 – *Наниташвили Н.Л.* Германский капитал в Закавказье. Деятельность фирмы «Сименс и Гальске» 1860-1917. – Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1982. – 376 с.

Оришев 2011 – *Оришев А.* Политика Германии в Иране в годы Второй Мировой войны (по архивным материалам) // Иран и вторая мировая война: сборник статей / Отв. ред. Н.М. Мамедова. – М.: Институт востоковедения РАН, 2011. – С. 98-104.

Пипия 1978 – *Пипия Г.В.* Германский империализм в Закавказье в 1910-1918 гг. – М.: «Наука», 1978. – 224 с.

Путь 2015 – *Путь к Великой Победе: СССР в войне глазами западных современников. Документы и материалы* / Под ред. акад. А.В. Торкунова. – М.: «Аквариус», 2015. – 926 с.

Сиполс 1997 – *Сиполс В.Я.* Тайны дипломатические. Канун Великой Отечественной. 1939-1941. – М.: «Новина», 1997. – 447 с.

Соцков 2003 – *Соцков Л.Ф.* Неизвестный сепаратизм: на службе СД и Абвера. – М.: Рипол классик, 2003. – 336 с.

Kopisto 2011 – *Kopisto, Lauri.* The British Intervention in South Russia 1918-1920. (Academic Dissertation). Helsinki, 2011.

Lenczowski 1980 – *Lenczowski, George.* The Middle East in World Affairs. 4-th ed. – Ithaca: Cornell University Press, 1980. – 862 p.

REFERENCES

GASANLY DZH.P. SSSR-IRAN: *Azerbaidzhanskii krizis i nachalo kholodnoi voiny (1941-1946 gg.)* [Azerbaijani crisis and the beginnings of the Cold war (1941-1946)]. – М.: «Герои Отечества», 2006. – 560 p. (In Russian)

KOPISTO, LAURI. The British Intervention in South Russia 1918-1920. (Academic Dissertation). Helsinki, 2011.

LENCZOWSKI, GEORGE. The Middle East in World Affairs. 4-th ed. – Ithaca: Cornell University Press, 1980. – 862 p.

NANITASHVILI N.L. *Germanskii kapital v Zakavkaz'e. Deyatel'nost' firmy «Simens i Gal'ske» 1860-1917* [German capital in Transcaucasia. Operations of the “Siemens and Halske” company 1860-1917]. – Tbilisi: Izd-vo Tbil. un-ta, 1982. – 376 p. (In Russian)

ORISHEV A. *Politika Germanii v Irane v gody Vtoroi Mirovoi voiny (po arkhivnym materialam)* [German politics in Iran in the years of the Second World War (on archival materials)]. IN: *Iran i vtoraya mirovaya voina: sbornik statei* [Iran and the Second World War: collection of articles] / Ed. by N.M. Mamedova. – М.: Institut vostokovedeniya RAN, 2011. – P. 98-104. (In Russian)

PIPIYA G.V. *Germanskii imperializm v Zakavkaz'e v 1910-1918 gg.* [German imperialism in Transcaucasia in 1910-1918]. – М.: «Наука», 1978. – 224 p. (In Russian)

Put' k Velikoi Pobede: SSSR v voine glazami zapadnykh sovremennikov. Dokumenty i materialy [The way to the great victory: USSR in the war by the eyes of western contemporaries] / Ed. by acad. A.V. Torkunov. – М.: «Аквариус», 2015. – 926 p. (In Russian)

SIPOLS V.Ya. *Tainy diplomaticheskie. Kanun Velikoi Otechestvennoi. 1939-1941* [Diplomatic secrets. The eve of the Great Patriotic. 1939-1941]. – М.: «Новина», 1997. – 447 p. (In Russian)

SOTSKOV L.F. *Neizvestnyi separatizm: na sluzhbe SD i Abvera* [The unknown separatism: in the service to SD and Abwehr]. – М.: Рипол классик, 2003. – 336 p. (In Russian)